

Сун Минфэй поднял красивые глаза, бросив взгляд на Линь Фаня. В этом взгляде было много смысла, но, похоже, не из приятных, скорее связанных с интеллектом.

Атмосфера... казалась ещё более неловкой.

Линь Фань так думал, но всё же решил продолжить разговор. Отчасти из желания найти хоть какую-то тему для беседы, отчасти потому, что сам он действительно не мог понять происходящее.

Наблюдая за храмом, Линь Фань заметил, что в нём нет никаких следов современности. На внешних стенках курильниц, на свисающих молитвенных флагах и табличках перед статуями божеств были начертаны иероглифы в традиционном стиле, а архитектура храма также не имела никаких современных элементов.

Если это можно было как-то объяснить внутри храма, то отсутствие розеток на стенах и электрических ламп на потолке, вместо которых были похожие на масляные лампы светильники, казалось крайне странным.

Высказав свои наблюдения, Линь Фань ждал ответа Сун Минфэя, но вместо этого получил лишь ещё более глубокое молчание, даже без намека на реакцию.

Сун Минфэй нахмурился, пристально глядя на иероглифы на курильнице, словно действительно задумался.

Хотя многое казалось необычным, Линь Фань шутил о перемещении во времени, не ожидая, что столь умный Сун Минфэй окажется на удивление наивным и воспримет это всерьёз.

— Я пошутил. Вероятно, когда мы были без сознания, на нас напали воры и отвезли в какую-то глухую деревню. Видишь, телефонов тоже нет. — Линь Фань намеренно говорил легким тоном, успокаивая Сун Минфэя и одновременно себя.

Только вот воры, похоже, не разбирались в ценностях. Единственное, что у него было ценного — нефритовый амулет на шее, который они почему-то не забрали.

— Мы, вероятно, недалеко от Города Б. Просто не знаю, где там может быть такой храм. Телефонов тоже нет рядом. Мой брат сегодня должен был со мной связаться. Если он не дозвонится, этот парень может начать паниковать и вызвать полицию, создавая лишние проблемы.

Говоря это, Линь Фань вдруг вспомнил, что родители Сун Минфэя развелись и уехали за границу, когда тот был ещё ребёнком. После того как в старшей школе умерли его дедушка и бабушка, он начал жить один. Линь Фань решил не затрагивать эту тему.

— Не знаю, сколько сейчас времени. Почему становится так темно? — Линь Фань встал с подушки, неуклюже меняя тему.

Сун Минфэй, услышав его слова, посмотрел в щель открытой двери наружу. Всего за короткое время небо значительно потемнело.

Дождь и ветер бушевали, дорога во дворе была полностью затоплена, лишь верхушки травы покачивались на ветру. Конечно, там была и дикая кошка, которая, увидев Линь Фаня, сразу приготовилась к атаке.

— Не трать силы зря, — слабым голосом сказал Сун Минфэй, видя, что Линь Фань всё ещё смотрит наружу. — Подождем, пока дождь закончится.

Услышав это, Линь Фань перестал беспокоиться и, следуя примеру Сун Минфэя, перетащил подушку к колонне, прислонился к ней и стал ждать окончания дождя.

Неожиданно их ожидание затянулось на всю ночь. Линь Фань проснулся, когда уже было светло, примерно около девяти утра.

Прошлой ночью кошка в храме выла до полуночи, а дождь стучал по окнам. Оба мужчины просидели всю ночь, и лишь под утро им удалось немного поспать.

Теперь Линь Фань чувствовал себя разбитым, но, к счастью, небо прояснилось, и под лучами солнца старый храм выглядел уже не так зловеще.

Линь Фань встал, открыл окна и двери, но Сун Минфэй никак не реагировал. Заметив это, Линь Фань поспешил к нему.

У колонны Сун Минфэй лежал, свернувшись калачиком, его лоб упирался в колени, а лицо, скрытое волосами, было бледным.

Линь Фань прикоснулся ко лбу Сун Минфэя и убедился, что у него жар. Одежда, видимо, высохла от температуры тела.

Брови слегка нахмурились, длинные ресницы дрожали. Сун Минфэй проснулся, но его глаза были неестественно красными, с легкой влагой.

— Уже светло? — Его голос был хриплым.

— Светло, у тебя жар. Отдохни еще, я выйду и поищу кого-нибудь.

— Я в порядке, пойдем вместе. — С этими словами Сун Минфэй уже встал, и рука Линь Фаня, которая хотела его поддержать, осталась висеть в воздухе.

Они вышли из старого храма и снова отправились по вчерашней дороге. Однако сегодня идти было гораздо тяжелее. Оба мужчины долгое время ничего не ели, промокли под дождем и плохо спали. Теперь, под палящим солнцем, они еле передвигались, не имея сил даже говорить.

Примерно через час пути они наконец увидели надежду: вдалеке виднелись дома, и, казалось, там собрались люди.

Последние силы внезапно дали о себе знать, и шаги их ускорились.

Однако, приближаясь, они всё больше сомневались и волновались, пока не дошли до деревни и не увидели людей в незнакомой одежде.

— Скажите, пожалуйста, где мы находимся? Какой сейчас год? — Обычно молчаливый Сун Минфэй вдруг заговорил первым.

— Тридцать второй год Цзи-вэй эры Дэ, шестой месяц.

Тело, и так ослабленное жаром, после часа под летним солнцем не выдержало такого известия. Сун Минфэй потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит в тесной и темной комнате. Даже сквозь разбитые окна и двери свет был тусклым, а в воздухе витал сильный запах плесени.

В комнате, кроме лежанки, на которой он лежал, стояли лишь несколько старых столов и стульев. Даже стена, разделяющая комнаты, была частично разрушена.

Сун Минфэй с трудом поднялся, но тут же почувствовал головокружение. С его головы соскользнула желтоватая грубая ткань, пропитанная водой, которой охлаждали лоб.

Через разрушенную стену он увидел соседнюю печь. У входа стоял котел, в котором что-то варилось, а под ним потрескивали горящие ветки.

Видимо, это сделал Линь Фань, но самого его не было видно.

Пока Сун Минфэй размышлял, куда мог отправиться Линь Фань, снаружи слышались звуки, и вскоре Линь Фань появился в дверях с небольшой охапкой дров.

Увидев, что огонь слаб, он поспешил подбросить ветки к почти догоревшим дровам.

— Линь Фань. — Сун Минфэй, всё ещё ослабленный жаром, произнес это тихо.

Однако, несмотря на тихий голос, стоящий у входа человек сразу же заметил его и, сделав несколько широких шагов, оказался рядом с Сун Минфэем.

— Как ты себя чувствуешь? — По инстинкту Линь Фань прикоснулся ко лбу Сун Минфэя и своего, сравнивая температуру.

— Нормально. — Сун Минфэй немного смутился от такого контакта и незаметно отодвинулся назад.

— Температура всё ещё немного повышена, — сказал Линь Фань. — Положи ткань снова. — С этими словами он опустил ткань в воду, отжал её и передал обратно Сун Минфэю.

Сун Минфэй взял ткань:

— Где мы?

Этот вопрос, казалось, стал самым частым за последние дни.

Сун Минфэй потерял сознание у входа в деревню, что сильно напугало местных жителей. К тому же оба мужчины были одеты странно, и никто не решался подойти к ним, не говоря уже о том, чтобы предоставить место для отдыха.

Линь Фань не знал, что делать, и перенес Сун Минфэя в тень дерева, где попросил у кого-то чистой воды, чтобы напоить его.

Из-за произошедшего у входа в деревню собралось больше людей, и молодые, более смелые, начали приближаться. Один из них, увидев лицо Линь Фаня, решил разместить их в своем доме.

Лицо Линь Фаня, как говорили, было очень похоже на одного жителя деревни, которого тоже звали Линь. Его родители рано умерли, а после смерти деда дядя и тетя, пользуясь его молодостью, забрали все имущество и деньги, оставленные дедом.

Тогда ему было около четырнадцати-пятнадцати лет, он был молод и горяч, и в порыве гнева ушел с торговым караваном в чужеземное государство, сказав, что вернется, только когда добьется успеха.

Многие в деревне считали, что Линь Фань похож на того человека, но из-за странной одежды и коротких волос, а также из-за того, что тот ушел в юном возрасте, никто не решался сразу признать его.

Однако человек, который их приютил, был уверен, что Линь Фань — это его старый друг, потому что увидел на его руке родимое пятно.

Линь Фань знал, кто он такой, и не считал, что имеет какое-то отношение к тому человеку. Но, несмотря на его объяснения, Ли Цзиньбао считал, что у Линь Фаня просто повредился разум и он не может себя узнать.

Ведь родимое пятно было точно таким же, и имя, и фамилия совпадали. Как такое могло быть?

Линь Фань, понимая, что Сун Минфэй всё ещё болен и нуждается в месте для отдыха, не стал больше спорить и, взяв его на спину, отправился в дом Ли Цзиньбао.

Дом Ли Цзиньбао состоял всего из трех глиняных комнат. В восточной комнате лежала больная мать, в западной — жена Ли Цзиньбао с младенцем на руках. С тремя мужчинами в доме стало тесно.

<http://bllate.org/book/16922/1558074>